

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
СОКРАЩЕНИЯ	11
ВВЕДЕНИЕ	13
Постановка задачи	13
Метод работы	16
<i>Самые надежные данные</i>	16
<i>Речения</i>	28
<i>Хорошие гипотезы</i>	35
Состояние вопроса	40

Часть первая

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗРАИЛЯ

1 ИИСУС И ХРАМ	87
«Очищение» храма (Мк. 11:15—19 и параллельные места)	87
Речения о разрушении храма	99
2 НОВЫЙ ХРАМ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗРАИЛЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	107
3 ДРУГИЕ УКАЗАНИЯ НА ЭСХАТОЛОГИЮ ВОЗРОЖДЕНИЯ	125
От Иоанна Крестителя к Павлу	125
Двенадцать колен	130
Двенадцать учеников	134
Покаяние	143
Суд	152
Заключение	155

Часть вторая

ЦАРСТВО

4 РЕЧЕНИЯ	163
Царство как эсхатологическая реальность	163
Настоящее и будущее: проблема материала речений.	171
Проблема многообразия смыслов	185
Заключение	197

5 ЧУДЕСА И ТОЛПЫ НАРОДА	206
Чудеса, учение и толпы народа в евангелиях.	206
Мотивация	208
Чудеса, провозвестие и толпы	213
Магия	215
Заключение	221
6 ГРЕШНИКИ	227
Грешники, нечестивые, бедные и ам ха-арцы	229
1. Терминология	231
2. Ам ха-арцы и спасение	245
3. Иисус и грешники.	260
Застолье	271
Заключение	272
7 ЯЗЫЧНИКИ	275
Еврейский взгляд на язычников	276
Иисус и язычники.	283
8 ЦАРСТВО: ЗАКЛЮЧЕНИЕ	287
Факты и речения: весь Израиль или малое стадо	287
Природа царства	294
Иисус как религиозный тип	306

Часть третья

КОНФЛИКТ И СМЕРТЬ

9 ЗАКОН	313
Общие соображения	313
Храм и закон	320
Предоставь мертвым хоронить своих мертвых.	321
Грешники	326
Развод	326
Другие антитезы и связанные с ними речения	332
Суббота, омовение рук и пища	337
Заключение	341
10 ВРАЖДЕБНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ПРОТИВНИКИ.	345
Враждебное отношение.	345
Преследования	360
Противники	367
Заключение	374

11 СМЕРТЬ ИИСУСА	377
Твердо установленные факты	377
Причина казни	379
Триумфальный вход.	392
Предательство	395
Роль еврейских лидеров.	396
Заключение	406
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	409
Результаты	409
Достоверное, возможное и предполагаемое.	411
Смысл результатов	419
Связующая нить	428
Контекст иудаизма: Новый Завет и еврейская эсхатология возрождения.	429
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	437
ПРИМЕЧАНИЯ	452
ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА	536
ПЕРЕВОД ЛАТИНСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	541
УКАЗАТЕЛЬ ССЫЛОК НА БИБЛИЮ И ДРЕВНЮЮ ЛИТЕРАТУРУ	542
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	563
ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	573
А. Чернявский. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИИСУС И ХРИСТИАНСКОЕ БОГОСЛОВИЕ	584

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа над этой книгой началась в 1975—1976 гг. с получением стипендии Программы Киллама Канадского Совета. По разным причинам окончание работы откладывалось. Наконец в 1982 г., благодаря поддержке Программы *Leave Fellowship* и исследовательскому гранту Канадского Совета по социальным наукам и гуманитарным исследованиям, у меня появилась возможность полностью переработать рукопись. В это время я был также приглашенным сотрудником Тринити-колледжа в Кембридже. Я благодарен сотрудникам Программы Киллама за их великое терпение и понимание, а также сотрудникам Канадского Совета за предоставленную мне возможность завершить работу. Я чувствую себя в огромном долгу перед главой и членами Совета Тринити-колледжа, в обществе которых я имел честь находиться в течение этого недолгого времени. Великодушие и гостеприимство членов Совета и сотрудников колледжа я всегда буду вспоминать с глубокой признательностью.

Одним из членов Совета колледжа и моим опекуном в период моего пребывания там был Его преосвященство доктор Дж. А. Т. Робинсон. Его недавняя кончина лишила многих из нас дорогого друга, а Церковь потеряла дальновидного выразителя ее веры. Вечера у него дома, когда мы беседовали о моей или о его работе, — самое дорогое, что осталось в моей памяти о 1982 годе. Было бы неуместно говорить здесь о его деятельности как исследователя Нового Завета и богослова. Ей воздавали и будут воздавать должное многие более компетентные специалисты. Здесь же я могу только сказать, что Дж. А. Т. Робинсон оказал очень сильное влияние на мою жизнь и работу.

Рукопись была окончательно подготовлена благодаря гранту Университета Макмастера. С завершением работы закончилось мое долгое и счастливое пребывание в нем, и я хочу выразить благодарность всем сотрудникам администрации — и бывшим, и нынешним, — которые работали там в течение последних семнадцати лет. Думаю, ни один университет не мог бы желать лучших сотрудников. Особенно я признателен Элвину А. Ли, нынешнему президенту Университета, под началом которого я работал

в разных должностях с 1971 г. Он всегда активно и твердо поддерживал исследования — и мои, и моих коллег — посвященные иудаизму и христианству в греко-римском мире. Без этой поддержки мы бы сделали намного меньше.

Глава 6 — это существенно переработанная и несколько расширенная статья «Иисус и грешники» (*JSNT* 19, 1983, р. 5—36). Текст этой статьи частично воспроизводится здесь с великодушного разрешения доктора Брюса Чайлтона. Я благодарен всем, кто откликнулся на статью; их замечания помогли мне при ее переработке.

Я обсуждал эту книгу — как в целом, так и по частям — со многими людьми; как правило, с большой пользой для себя (боюсь, иногда мои просьбы обсудить текст приводили их в ужас). Несколько организаций предоставили мне возможность выступить с лекциями по теме книги. Всем им я благодарен. Особую благодарность я должен выразить двум моим коллегам, Альберту Баумгартену и Бену Ф. Мейеру, которые всегда были готовы обмениваться мыслями и обсуждать возникавшие проблемы.

Филлис Дероза Кёттинг, как всегда, с волшебной легкостью справилась с набором текста, библиографией и указателями. Однако необходимость прочесть корректуру и выполнить пагинацию указателей возникла в очень неудобное время, и я благодарен Джин Каннингэм из издательства SCM Press за помощь, не входившую в ее обязанности, а также Маргарет Дейвис из Бристольского университета за бескорыстную помощь в очень срочной работе.

Годы, на протяжении которых эта работа то выполнялась, то прерывалась, были напряженными и трудными как в профессиональном плане, так и в плане личной жизни. Многочисленные друзья и коллеги, включая тех, кого я уже назвал, помогали мне все это время. И на том, и на другом уровне для меня была жизненно важной неослабевающая поддержка и дружба еще четырех человек. Это мои учителя Дэвид Даубе, У. Д. Дейвис, У. Р. Фармер и Луис Мартин. Им я обязан больше, чем способен выразить, и могу лишь надеяться, что сам сумею сделать для кого-нибудь то, что они неизменно делали для меня. Но самым важным человеком в этот — как и в любой другой — период времени, чье живое одобрение, постоянная любовь и бодрый дух воодушевляли меня, была моя дочь. Эту книгу я посвящаю ей с любовью и благодарностью.

СОКРАЩЕНИЯ

Ап.	<i>Иосиф Флавий. Против Апиона</i>
Война	<i>Иосиф Флавий. Иудейская война</i>
Древн.	<i>Иосиф Флавий. Иудейские древности</i>
Посольство	<i>Филон Александрийский. О посольстве к Гаю</i>
пар.	и параллельные места
р.	рабби
AGAJU	<i>Arbeiten zur Geschichte des antiken Judentums und des Urchristentums. Leiden</i>
ANRW	<i>Aufstieg und Niedergang der römischen Welt</i> , ed. H. Temporini and W. Haase. Berlin and New York
ATANT	<i>Abhandlungen zur Theologie des Alten und Neuen Testaments. Zürich</i>
BETL	<i>Bibliotheca Ephemeridum Theologicarum Lovaniensium, Louvain</i>
<i>Bibl</i>	<i>Biblica. Rome</i>
BZNW	<i>Beiheft zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. Giessen, Berlin</i>
CBQ	<i>Catholic Biblical Quarterly. Washington, D. C.</i>
CBQMS	<i>Catholic Biblical Quarterly Monograph Series. Washington, D. C.</i>
ET	Английский перевод
ETL	<i>Ephemerides Theologicae Lovanienses. Louvain</i>
<i>ExpT</i>	<i>Expository Times. Edinburgh</i>
HNT	<i>Handbuch zum Neuen Testament. Tübingen</i>
HTR	<i>Harvard Theological Review. Cambridge, Mass.</i>
HUCA	<i>Hebrew Union College Annual. Cincinnati</i>
IEJ	<i>Israel Exploration Journal. Jerusalem</i>
<i>Interpr</i>	<i>Interpretation. Richmond, Va.</i>
JBL	<i>Journal of Biblical Literature. Philadelphia, Missoula, Mont., et al.</i>
JBLMS	<i>Journal of Biblical Literature Monograph Series</i>
JE	<i>Jewish Encyclopaedia, 12 vols. New York, 1901—1906</i>
JJS	<i>Journal of Jewish Studies. London</i>

<i>JSJ</i>	<i>Journal for the Study of Judaism</i> . Leiden
<i>JSNT</i>	<i>Journal for the Study of the New Testament</i> . Sheffield
<i>JSOT</i>	<i>Journal for the Study of the Old Testament</i> . Sheffield
<i>JSOTSuppl</i>	Supplements to <i>Journal of Old Testament Studies</i> . Sheffield
<i>JSS</i>	<i>Journal of Semitic Studies</i> . Manchester
<i>JTS</i>	<i>Journal of Theological Studies</i> , Oxford
LCL	Loeb Classical Library. London and New York
<i>NovT</i>	<i>Novum Testamentum</i> . Leiden
<i>NovTSuppl</i>	Supplements to <i>Novum Testamentum</i> . Leiden
n.s.	новые серии
<i>NTS</i>	<i>New Testament Studies</i> . Cambridge
PGM	Papyri Graecae Magicae, ed. K. Preisendanz, 3 vols. Dresden, 1928—1942
<i>RQ</i>	<i>Revue de Qumran</i> . Paris
SANT	Studien zum Alten und Neuen Testament. Munich
SBLDS	Society of Biblical Literature Dissertation Series. Philadelphia, Missoula, Mont., et al.
SBT	Studies in Biblical Theology. London and Naperville, III
<i>SJT</i>	<i>Scottish Journal of Theology</i>
SNTSMS	Society for New Testament Studies Monograph Series. Cambridge
SNTU	Studien zum Neuen Testament und seiner Umwelt. Freistadt
SUNT	Studien zur Umwelt des Neuen Testaments. Göttingen
TDNT	Theological Dictionary of the New Testament, ed. G. Kittel and G. Friedrich, ET ed. G. Bromiley. Grand Rapids, 1964—1976
<i>TLZ</i>	<i>Theologische Literaturzeitung</i> . Leipzig
TU	Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, Berlin
WMANT	Wissenschaftliche Monographien zum Alten und Neuen Testament. Neukirchen
WUNT	Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. Tübingen
<i>ZAW</i>	<i>Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft</i> . Giessen, Berlin
<i>ZNW</i>	<i>Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums</i> . Giessen, Berlin
<i>ZTK</i>	<i>Zeitschrift für Theologie und Kirche</i> . Tübingen

ВВЕДЕНИЕ

Постановка задачи

Задача этой работы — обсудить два связанных между собой вопроса, касающихся Иисуса: каковы были его цели и каковы были его отношения со своими современниками в рамках иудаизма^{1, *}. Из этих вопросов сразу же вытекают два других: о причине смерти Иисуса (входило ли в его цели противостояние иудаизму и не это ли привело его к смерти?) и о движущей силе, породившей христианство (не явилось ли началом разделения между христианским движением и иудаизмом то противостояние, которое имело место при жизни Иисуса?)². Относительно этих вопросов имеется множество точек зрения и накопилось огромное количество научной литературы, так что попытка ответить на них, написав еще одно эссе, предпринимается с некоторым трепетом.

В наше время исследования по этим и близким к ним вопросам имеют некоторые общие особенности, требующие специальных пояснений. Во-первых, на того, кто раньше времени усвоил богословский взгляд на исследование проблемы исторического Иисуса как на дело гиблое и бесперспективное (потому что вера не должна искать опоры в исторических данных), убедительность и жизненность многого, что пишется сегодня, может произвести впечатление. Вновь и вновь делаются попытки общего описания учения и деятельности Иисуса, и в некоторых случаях основное внимание уделяется именно тем вопросам, о которых говорилось выше. Я имею в виду, например, работу Пола Уинтера о суде над Иисусом³ и порожденную его гипотезой широкую дискуссию⁴, такие обстоятельные исследования, как «Nachfolge und Charisma» Мартина

* Здесь и далее арабскими цифрами обозначены примечания Э. Сандерса, арабскими цифрами со звездочкой — примечания переводчика.

Хенгеля⁵, «Провозвестие Иисуса» Иоахима Иеремиаса⁶, «Jesus» Эдуарда Швайцера⁷, блестяще написанную книгу «Основатель христианства» Ч. Г. Додда⁸, работы Вермеша⁹ и Баукера¹⁰, которые специально посвящены проблеме «Иисус и иудаизм», Мейера «The Aims of Jesus»¹¹ и недавнюю работу Харвея «Jesus and the Constraints of History»¹². Для многих из этих работ характерно, что их авторы — несмотря на понимание того, как трудно быть уверенным в исторической достоверности каждой отдельно взятой перикопы^{1*}, — видимо, убеждены, что могут с приемлемой погрешностью набросать картину мыслей и действий Иисуса¹³. Например, в работах Иеремиаса, Додда, Вермеша и Мейера мы находим новые или, по крайней мере, по-новому представленные описания всего, что связано с Иисусом. Эти описания последовательны, основаны на материале евангелий и сделаны с намерением ответить на вопросы исторического характера, оставаясь на исторической почве. Преобладающая на сегодня точка зрения, по-видимому, такова: мы знаем довольно хорошо, что Иисус стремился совершить, многое — о том, что он говорил, и что все это имеет смысл в мире иудаизма первого столетия¹⁴.

Вторая особенность текущей ситуации в том, что вопросы о Иисусе, которые здесь рассматриваются, ставятся безотносительно к дискуссии о том, как знание об историческом Иисусе соотносится с христианской верой¹⁵. За решением Эрнста Кеземана вновь поднять вопрос об историческом Иисусе фактически стояла богословская проблема¹⁶, и защита им своей позиции была полностью богословской¹⁷. Исторические утверждения о Иисусе он делает лишь между прочим¹⁸. Кеземана и тех, кто вел с ним дискуссию, в действительности интересовало только одно: есть ли *необходимость* в таких утверждениях. Так, Кеземан готов дать краткую характеристику отношений между Иисусом и иудаизмом¹⁹, но делает это в контексте очень большого эссе о богословской позиции в отношении исторического Иисуса, и ни здесь, ни где-либо еще не пытается сколько-нибудь полно обосновать правильность своего понимания сути конфликта. В книгах, упомянутых в предыдущем абзаце, дело обстоит совершенно иначе. В этих и других работах либо предполагается, либо аргументируется (обычно предполагается), что есть смысл в том, чтобы узнать и четко описать

все, что можно узнать о Иисусе, и прилагаются большие усилия к тому, чтобы установить, что́ можно узнать. Настоящая работа написана в том же духе. Если в двух словах сказать о моих личных интересах, дискуссия о значении исторического Иисуса для богословия меня интересует — как интересует нечто, что однажды тебя заворожило. Однако при написании настоящей работы я об этом не думал, и тот, кто хотел бы прочесть эссе на эту тему, может отложить книгу в сторону и поискать на полке что-нибудь другое.

И последнее общее замечание по поводу современного состояния исследований: кажется, в поисках ответов на те два вопроса, которые нас интересуют, в последнее время был достигнут реальный прогресс. Это не было результатом быстрого прироста знаний, скорее — результатом изменения отношения к этим вопросам²⁰. Во многих кругах на вопрос, что́ Иисус задумывал, было наложено чуть ли не табу. Должно быть, вопрос казался римско-католическим, так как неявно предполагал, что у Иисуса было что-то вроде программы, включающей будущее существование церкви²¹. Современные исследователи, кажется, уже не так боятся этого вопроса. Далее, проблема отношения Иисуса к иудаизму слишком часто замыкалась на более поздней религиозной полемике и апологетике: Иисус либо изображался стоящим выше иудаизма того времени²² (который, как считалось, со времен пророков пришел в упадок²³), либо объявлялся еврейскими учеными одним из еврейских учителей, и при этом развитие христианства приписывалось инновациям Павла²⁴. Оказалось непростым делом отдать должное вопросу, поставленному Йозефом Клаузнером: как могло случиться, что Иисус жил целиком внутри иудаизма и при этом положил начало движению, которое отделилось от иудаизма? Ведь *ex nihilo nihil fit*, из ничего не происходит ничего, или, по пословице, нет дыма без огня²⁵. Тем не менее, во многих относительно недавних исследованиях были сделаны попытки уделить внимание и этой проблеме, не впадая ни в полемику, ни в апологетику²⁶.

Говоря о прогрессе, я не имею в виду, что упомянутые выше работы обязательно друг друга дополняют или ведут к одним и тем же выводам. Прогресс состоит, скорее, в том, как ставятся серьезные и важные исторические вопросы о Иисусе,

и в том, как стал использоваться материал евангелий и, в некоторой степени, еврейской литературы — несмотря на невозможность дать окончательные ответы на вопросы об аутентичности и надежности. Метод, которым пользуются все больше и больше и которым, как представляется, необходимо пользоваться, чтобы писать о Иисусе, заключается в построении гипотез, которые, с одной стороны, опираются на материал, который обычно считают заслуживающим доверия, а с другой — не зависят всецело от аутентичности любой данной перикопы²⁷. Гипотетические реконструкции, основанные на материале, который считается надежным, но невыводимые из этого материала путем строгой экзегезы, могут быть подвергнуты критике с двух сторон. Можно критиковать либо отбор материала, либо предположения, на основе которых он интерпретируется. Далее я хочу изложить возможно яснее, как будет отбираться материал, и те предположения, которые будут положены в основу реконструкции.

Метод работы

Самые надежные данные

Поскольку в евангелиях мы находим конгломерацию данных о Иисусе и о ранней церкви, никто не будет спорить, что начинать надо с того, что относительно надежно, и только потом переходить к менее достоверным вещам. Однако достигнуть согласия относительно основополагающих правил идентификации более или менее надежного весьма трудно. Одна из причин этого, на мой взгляд, в том, что в большинстве исследований внимание концентрируется на Иисусе как учителе или проповеднике — в обоих случаях (и это главное) как на несущем некую весть. А это сразу же побуждает к тому, чтобы попытаться определить центральный пункт его вести¹. Можно начать с того, о чем прежде всего сообщают евангелия (покаяние ввиду наступления царства); с того, что обращает на себя внимание как самое характерное (например, призвание грешников); с материала речений, который, как кажется, менее всего подвергся изменениям (таковым часто считают притчи); или с речений, которые никак не могли быть созданы в ранней

церкви («Иисус же сказал ему: что ты меня называешь благим?», Мк. 10:18). Но в любом случае начинают с сердцевины материала речений и переходят к описанию вести Иисуса, а иногда — его намерений и причины конфликта с иудаизмом.

Два соображения вынуждают нас — если мы хотим лучше понять Иисуса — искать наиболее надежные и лучше всего свидетельствующие о нем данные где-нибудь в другом месте. Во-первых, ученые до сих пор не договорились и, я думаю, не договорятся относительно аутентичности материала речений — ни в целом, ни в частностях. Есть незначительное количество речений, относительно которых имеется широкий консенсус, но едва ли их достаточно для полного портрета Иисуса. Мы рассмотрим вопрос о критериях аутентичности в следующем подразделе и займемся некоторыми основными речениями в гл. 4.

Во-вторых, приравнивая изучение Иисуса к изучению его речений, мы тем самым неявно предполагаем, что его настоящим делом было учительство. Тогда он либо простой учитель, ясно выражающий свои мысли и с помощью притч делающий весть о Боге и царстве более понятной; либо (как в некоторых недавних исследованиях) учитель, трудный для понимания, говорящий загадками, смысл слов которого был и по сегодня остается не вполне ясным; или даже учитель, который намеренно выражался неопределенно². Но какого бы типа учителем мы его ни считали, трудно перейти от Иисуса-учителя к Иисусу — еврею, который был распят, который был лидером пережившей его смерть группы, которая, в свою очередь, подвергалась преследованиям и образовала мессианскую секту, в конечном счете одержавшую победу. Трудно представить его учение настолько оскорбительным, чтобы оно могло привести к казни, или настолько сектантским, чтобы оно привело к образованию группы, в конце концов отделившейся от основной части иудаизма. Нельзя сказать, чтобы исследователи не пытались найти связь между учением Иисуса, его смертью и возникновением христианского движения; но эту связь трудно установить. То, о чем чаще всего говорят (например, что он открыто возражал Моисею, и это породило вражду), в лучшем случае, сомнительно. Эти вопросы, опять-таки, будут рассмотрены позднее, в частности, в разделе «Состояние вопроса». Здесь я должен ограничиться утверждением, что разнообразные попытки

соединить «Иисуса-учителя» с тем, как завершилась его публичная деятельность, и с последующими событиями не вполне удовлетворительны.

Таким образом, мы видим, что огромный труд нескольких поколений ученых по исследованию содержащегося в евангелиях учения не дал убедительного исторического портрета Иисуса — такого, который уверенно ставил бы его в контекст еврейской истории, который объяснил бы его казнь и то, почему его последователи образовали преследуемую мессианскую секту. Необходимы более надежные данные, данные, с которыми все могли бы согласиться и которые, по крайней мере, указывали путь к объяснению этих исторических головоломок. Такие данные, если бы они были получены, можно было бы затем дополнить разными способами; но главная цель настоящего исследования — эти данные найти и установить. Я думаю, что они существуют. Это *факты* относительно Иисуса, его публичной деятельности и последующих событий, твердо установленные факты, которые указывают путь к решению исторических проблем. И настоящее исследование основано главным образом на свидетельствующих о Иисусе фактах и лишь во вторую очередь — на исследовании материала речений.

Несколько лет тому назад Э. Фукс предложил поставить на первое место поведение Иисуса и использовать его как каркас для речений³. Конкретное поведение, которое он имел в виду — это общение Иисуса с грешниками, коррелирующее с речениями, в которых содержатся призывание грешников и обещание им царства. Соглашаясь со многими современными интерпретаторами, я далее покажу, что такое поведение и такие слова были характерны для Иисуса и важны для понимания его самого и его отношений с современниками. Однако чтобы понять, насколько важно то, что Иисус призывал к себе грешников, мы должны лучше разобраться с тем, кто такие грешники и что имел в виду Иисус под царством. А это, в свою очередь, требует глубокого понимания проблемы «Иисус и иудаизм», которую мы пытаемся осветить. Дискуссия, которая принимает в качестве отправного пункта общение Иисуса с грешниками и последовательно переходит к пониманию того, зачем он их к себе призывал, и к выводам о его отношении к иудаизму (собрание и грешников, и праведных), — такая дискуссия

полезна, но она не кажется тем, с чего следовало бы начинать. Дело не только в том, что общение Иисуса с грешниками зависит от других важных моментов, которые прежде необходимо прояснить, чтобы судить о важности этого общения. Как я покажу в гл. 6, обычное понимание этой проблемы целиком ошибочно. Это общение — факт, который необходимо объяснить и согласовать с вестью Иисуса⁴. Но его смысл слишком неясен, чтобы принять его в качестве исходного пункта нашего исследования.

Недавно двое исследователей указали на существование фактических данных о Иисусе и, каждый по-своему, использовали эти данные для создания его портрета. Мортон Смит утверждает, что «внешний каркас жизни Иисуса — что, когда и где — достаточно достоверен»⁵. Он отмечает еще один важный факт: «Что бы еще кроме этого Иисус ни сделал или мог сделать, он несомненно положил начало процессу, ставшему христианством»⁶. Энтони Харвей подобным же образом отмечает, что «информация по крайней мере об основных фактах, касающихся жизни и смерти Иисуса, столь же обильна, обстоятельна и непротиворечива, что и о любой другой фигуре древней истории»⁷. Харвей упоминает следующие факты, сомневаться в которых неразумно:

что Иисус был известен как в Галилее, так и в Иерусалиме; что он был учителем; что он исцелял разные болезни, особенно одержимость бесами, и что многие считали эти исцеления чудесами; что он был вовлечен в полемику со своими соплеменниками-евреями по вопросам, касающимся закона Моисея; и что он был распят во время правления Понтия Пилата⁸.

Несмотря на согласие в целом относительно этих фактов, исследователи пришли к разным выводам. Смит доказывает, что первый и самый надежный из свидетельствующих о Иисусе фактов, — это то, что он был чудотворцем. Смит уверен, что в ходе выполнения Иисусом своей миссии именно исцеления привлекали толпы народа, которым он проповедовал⁹. Эти толпы начали думать о нем как о Мессии. Возникшие вследствие этого чаяния, если они захватили достаточное количество людей, могли вызвать у властей страх (p. 16, ср. 43 f.). Таким образом, Смит может набросать правдоподобную траекторию развития событий: от «чудотворца» к «претенденту на роль

Мессии» и далее к распятию. Он также доказывает, что титул «Сын Божий» возник благодаря чудесам Иисуса (р. 80—83, 101—103; ср. 14). Наконец, он указывает, что многие учителя и некоторые пророки пользовались известностью в Израиле, однако тенденции делать из них чудотворцев не наблюдалось. Понятно, однако, что получивший известность благодаря чудесам стал известным и в других отношениях: «остальная часть предания о Иисусе может быть понята, если мы начнем с чудес, но чудеса не могут быть поняты, если мы начнем с чисто дидактического предания» (р. 16, ср. 129).

Приписываемое Иисусу учение в трактовке Смита не играет большой роли, хотя мимоходом он делает провоцирующий намек, что то обстоятельство, что Иисус был «магом», согласуется с утверждением, что он проповедовал евангелие бедным (р. 24). Представляется, что если бы Смит рассмотрел материал учения более детально, он увидел бы, что кое-что могло идти от Иисуса и стать широко известным из-за его известности как мага, а кое-что могло быть приписано ему по принципу, согласно которому известные изречения приписываются известным людям.

Сообщество ученых-новозаветников не уделило последней работе Смита того внимания, которого она заслуживает, несмотря на то, что в ней Смит предлагает нам еще не известный материал из сокровищницы своей непревзойденной эрудиции. Возможно, их оттолкнуло то, что Смит называет Иисуса магом, как и привычка автора задирать «благочестивых». Однако мы не должны позволять себе так легко отказываться признать, что в этой работе сделана серьезная попытка исторически объяснить некоторые из главных загадок Иисуса, а именно — почему он привлек к себе внимание, почему был казнен и почему впоследствии был обожествлен. Выше я указывал, что взгляд на Иисуса прежде всего как на учителя не дает ответов на эти и на другие связанные с ними вопросы. Это можно ясно увидеть, если сравнить две недавние книги о Иисусе как учителе, книги Скотта и Брича¹⁰, с работой Смита. Первые основаны на предположении, что основополагающая информация о Иисусе — это небольшое ядро речений и притч. В этих работах Иисус представляется загадочным творцом символов (Скотт) или сочинителем притч (Брич), речи которого в то время казались

таинственными, но спустя двадцать столетий, когда с ними, наконец, разобрались, производят впечатление скорее своей формой, нежели содержанием. Думается, что такой Иисус не мог быть важной исторической фигурой. Справедливости ради надо сказать, что он в этом качестве и не рассматривается. Брич ясно говорит: «нет абсолютно никаких оснований предполагать, что Иисус разделял космологические, мифологические или религиозные идеи своих современников»¹¹, и в таком случае у них не было причин обращать на него внимание. Аналогично этому Скотт доказывает, что для Иисуса «царство» было символом, а не понятием¹². Он не утверждает прямо, что Иисус и его современники говорят на разных языках, но этот вывод напрашивается. Иисус, который был только учителем, но в качестве такового оказался не в состоянии донести свои выдающиеся мысли до аудитории, безусловно, не мог обладать значительным влиянием.

Конечно, это книги маргинальные и односторонние, и другие авторы, для которых Иисус был прежде всего учителем, описывали его учение как значимое для современников и даже пытались найти в нем такие оскорбительные вещи, которые могли бы послужить причиной для казни¹³. Насколько успешными были эти усилия, мы рассмотрим ниже. Но когда переходишь от маргинальных книг о Иисусе как учителе к маргинальной и односторонней книге Смита, в которой Иисус представлен магом, ощущаешь не только дуновение свежего воздуха, но и трудовой пот от усилий объяснить историю.

Я назвал книгу Смита односторонней, и здесь полезно привести пример. Комментируя Молитву Господню, он признает, что слова «да придет царство твое» (Мф. 6:10) «не имеют ясной аналогии с магией», так как они идут «от еврейской эсхатологической мысли» (р. 132). Однако Смит считает, что частое повторение имен богов в греческих Магических папирусах может сделать понятной предшествующую строку «да святится имя твое» (Мф. 6:9). Если мы хотим найти параллели к словам о святости имени, лучше было бы обратиться к еврейским надеждам на возрождение Израиля. В своей намного более ранней работе Смит действительно цитирует строку из *Каддшиш*^{2*} «Да возвеличится и освятится великое имя твое» как параллельную этой строке Матфея¹⁴. Новые данные, представленные теперь в PGM,

могут побудить нас рассмотреть фразы о возвеличивании, прославлении и освящении имени Бога в более широком контексте; но цитировать только PGM, как это без тени сомнения делает Смит, — явная односторонность.

Это приводит нас к рассуждению, которое говорит против того, чтобы без оговорок принять метод Смита и начать изучение фактических данных о Иисусе с чудес. Мы должны держать в голове общий контекст жизни и деятельности Иисуса и начать с того факта, который больше всего соответствует этому контексту. Рассуждение следующее: Иисус жил в смешанной культуре, и для лучшего понимания *элементов* его жизни и деятельности можно привлекать информацию из разных сфер древнего мира. Я имею в виду Магические папирусы. Но мы знаем главный контекст деятельности Иисуса: это еврейская эсхатология. Позднее я покажу, что линия от Иоанна Крестителя к Павлу и другим первым апостолам — это линия еврейской эсхатологии, и было бы заблуждением сместить центр нашего исследования с этой линии.

Я считаю, что Смит помог скорректировать направление исследований, т.е. побудил нас отойти от почти исключительной концентрации на Иисусе как учителе. Далее, основываясь на несомненном факте, что Иисус был известен как чудотворец, он привлек внимание к данным, показывающим, что в своей деятельности Иисус использовал какие-то приемы, которыми обычно пользовались маги. В-третьих, он сделал существенный вклад в методологию. Мы должны изучать свидетельствующие о Иисусе факты и попытаться понять их значение в контексте его жизни и деятельности. Я не следую Смицу, так как считаю, что есть другие факты, которые безошибочно помещают Иисуса в иной контекст, отличный от магического.

Харвей тоже строит свою книгу, помещая известные действия Иисуса в их контекст, который, в свою очередь, ограничивает их значение определенными пределами. Это отражено в названии его книги «Jesus and the Constraints of History». Его метод можно проиллюстрировать, процитировав то, что он пишет по вопросу о Иисусе как учителе.

...мы обнаружим, что те бедные биографические сведения, которые установлены с высокой степенью исторической достоверности, но, как кажется поначалу, несут мало информации,

интересной для богословов, приобретают большую значимость. Например, утверждение, что Иисус был учителем, когда оно поставлено в контекст ограничений, касающихся любого учителя того времени и той культуры, а также в контекст ограниченного количества возможностей, открытых для любого, кто хотел выступить с новой инициативой в религиозных вопросах, оставаясь в то же время понятным большинству своих слушателей, — такое утверждение способно дать удивительно много информации о том, какой должна была быть личность Иисуса, и о характере результатов, на которые он был нацелен; и эта информация весьма значима для основного вопроса христологии: кем и чем был Иисус?¹⁵

Признаюсь, когда я прочел эти слова, я подумал, что Харвей сумел первым опубликовать книгу, над которой я работал, хоть и с перерывами, почти десять лет. Оказалось, что это не так, и я возвращаюсь к процитированному тексту, чтобы показать, насколько адекватен его метод. Оказалось, что наши перечни фактов не совсем совпадают¹⁶, что мы совершенно по-разному оцениваем диапазон возможных смыслов внутри иудаизма, и что — как это всегда бывает — мы не согласны по поводу отдельных перикоп. Далее, как показывает процитированный абзац, Харвей заботится о том, чтобы направить обсуждение в сторону проблемы христологии, и уделяет много внимания вопросу о том, какое значение имеет для современного человека древняя мысль¹⁷. Я от этих вопросов абстрагируюсь.

Фигурирующая в цитате фраза «должна была быть» и подобные ей очень часто встречаются в книге Харвея. Это показывает, в какой степени он вынужден следовать тому, что можно назвать «априорной» историей: если Иисус сделал *X*, он должен был иметь в виду *Y*. Настоящая работа никоим образом не свободна от такого рода аргументации, хотя я не пользуюсь ею столь же часто, как Харвей. Такие аргументы не всегда плохи. Их ценность зависит от нескольких факторов, из которых можно упомянуть два самых важных: насколько мы уверены в возможном диапазоне смыслов любого данного действия или речения; сколько цепочек фактических данных сходится к одному и тому же смыслу.

Метод, который четко сформулирован Смитом и Харвеем и который я пытаюсь разъяснить и систематически использовать, в действительности не нов. Его часто применяют то тут, то

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru